

УДК 821.161.1

В.А. КОШЕЛЕВ,

*доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого (Российская Федерация)*

ЧЕТЫРЕ «МАЗЕПЫ» ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

В статье представлены четыре взгляда на личность И. Мазепы в художественных произведениях пушкинской эпохи: поэме К.Ф. Рыльева «Войнаровский», исторической повести Е.П. Аладьиной «Кочубей», поэме А.С. Пушкина «Полтава», историческом романе Ф.В. Булгарина «Мазепа». Данные произведения рассматриваются как разные аспекты художественного осмысления одного исторического источника – труда Д.Н. Бантыша-Каменского «История Малой России от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами».

Ключевые слова: Мазепа, исторический роман, исторический персонаж, романтическая повесть, поэма.

В середине 1820-х гг. в русской словесности активизировался интерес к истории – прежде всего, к тем событиям, со времени которых «прошло сто лет»: к началу XVIII в., ко времени Петра Великого. Ярчайшее событие этой эпохи – Полтавская битва. А наиболее интересным в психологическом отношении литературным персонажем стал украинский гетман-изменник Иван Степанович Мазепа. Не последнюю роль в таком интересе сыграла поэма Д.Г. Байрона «Мазепа» (1818). Английский романтик, опиравшийся на западные исторические исследования (прежде всего – на «Историю Карла XII» Вольтера), ставил задачу поэтически представить исторический облик мятежного гетмана и те причины, которые заставили подданного Российской империи «передаться» шведскому королю.

Свою поэму «Полтава» А.С. Пушкин открыл эпиграфом из байроновского «Мазепы», констатировавшим величие Петра I: «Мощь и слава войны, / Как и люди, их суетные поклонники, / Перешли на сторону торжествующего царя» [1, с. 17] (V, 17). Но самого автора интересует прежде всего сам мятежный гетман: «Мазепа есть одно из самых замечательнейших лиц той эпохи», – заявлял он в предисловии к первому изданию «Полтавы» (V, 335).

Это «замечательнейшее лицо» стало героем, по крайней мере, *трех* заметных исторических произведений, появившихся «рядом» с пушкинской поэмой. И во всех четырех – оказалось разным:

– агитационно-пропагандистская поэма К.Ф. Рыльева «Войнаровский» (1824). По указанию Пушкина (в том же предисловии), Рылеев сделал из Мазепы «героя свободы, нового Богдана Хмельницкого»;

– романтическая «историческая повесть» Е.П. Аладьиной «Кочубей» (1827). Автор, – указал тот же Пушкин, – «изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме»;

– поэма Пушкина «Полтава» (1828), в предисловии к которой Пушкин поставил задачу «объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно историче-

ского лица»: «История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковной анафеме, не может избегнуть проклятия человечества» (V, 335);

– исторический роман Ф.В. Булгарина «Мазепа» (1833). Здесь автор так объявил (в предисловии) тему своего сочинения: «Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только – добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть» [2, с. 369].

Все эти четыре произведения опирались на один исторический источник: четырехтомный труд Д.Н. Бантыша-Каменского «История Малой России от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами» (М., 1822). Труд этот долгое время оставался единственной цельной историей Украины. Автор использовал рукописи отца, видного историка и археографа, многочисленные документы московского архива, материалы архива малороссийской коллегии и т. д. Рылеев, например, приложил к поэме два «жизнеописания»: Мазепы (написанное А.О. Корниловичем) и его племянника Войнаровского (написанное А. Бестужевым) – оба были популярными переработками соответствующих глав из третьей части труда Бантыша-Каменского.

Авторы четырех «Мазеп» были хорошо знакомы друг с другом – но принадлежали к разным общественным и литературным группировкам. То десятилетие, в которое явились эти четыре произведения, было непростым: пик декабристского движения – и его разгром; первые попытки реформ николаевского царствования; обострение национального вопроса – и польское восстание 1831 г. После его разгрома наступила особенная эпоха, которую Е.В. Тарле назвал «тихим николаевским царствованием» [3, с. 140–141]. Поэтому и авторы «Мазеп» прочитали труд Бантыша-Каменского каждый на свой лад – и взяли из него каждый своё.

Самый простой смысловой пласт извлек Рылеев, к тому времени уже лидер Северного общества декабристов. Он представил Мазепу патриотом и борцом за свободу, речи которого (в передаче его племянника) сродни пламенным декабристским манифестам. Радетьелю свободы Мазепа противопоставлен Петру как воплощению самовластия. И даже многочисленные оговорки племянника и сомнения в истинных целях мятежного гетманчестолюбца не уничтожают «героического» ореола его облика. Его речи напоминают агитационные призывы декабристов, проповедовавших «борьбу свободы с самовластьем» – именно эту формулу своего противостояния русскому царю выбирает рылеевский Мазепа:

*«Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детьми и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая мстью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью...»*

А когда восстание против «самовластья» оказывается проигранным, и честь отдана на «поношение», Мазепа до конца остается духовно несломленным:

*«Но мне ли духом унижаться?
Не буду рока я рабом;
И мне ли с роком не сражаться,
Когда сражался я с Петром?»* [4, с. 221, 225].

Рылеев выдвинул на первое место «политический парадокс»: измена Мазепы, удостоенная церковной «анафемы», предстала как субъективно благородное деяние – дело «чести», обернувшееся бесчестьем. Пушкин, познакомившийся с поэмой Рылеева в начале 1824 г., вполне оценил ее идею. «Рылеева *Войнаровский* несравненно лучше всех его *Дум*, – заметил он в письме к А.А. Бестужеву от 12 января, – слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет» (XIII, 84–85). Но в рылеевском повествовании он увидел странное упущение: за «общественной» личностью Мазепы упущено нечто, очень важное для облика героя. Позднее Пушкин заметил:

«Прочитав в первый раз в *Войнаровском* сии стихи:

Жену страдальца Кочубея

И обольщенную их дочь,

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства» (XI, 160).

Детали этого «страшного обстоятельства» были подробно изложены у Бантыша-Каменского. Дочь генерального писаря Украины Кочубея, 18-летняя Матрена, влюбилась в 70-летнего старика-гетмана; тот сделал ее своей наложницей; оскорбленный Кочубей послал царю «донос на гетмана-злодея», раскрывший его измену. А когда Петр не поверил доносу – Мазепа распорядился публично казнить отца своей возлюбленной – этот факт у историка представлен как дополнительное свидетельство нравственного «падения» Мазепы.

Это обстоятельство, вполне «личного» свойства, Рылеев в поэме не отразил – лишь намекнул. Те два стиха, которые процитировал Пушкин – из второй части поэмы:

То трепещи и цепenea,

Он часто зрел в глухую ночь

Жену страдальца Кочубея

И обольщенную их дочь.

В страданьях сих превозмогая,

Молитву громко он читал,

То горько плакал и рыдал,

То дикий взгляд на всех бросая,

Он, как безумный, хохотал.

То, в память приходя порою,

Он очи, полные тоскою,

На нас уныло устремлял [4, с. 228].

Сохранившиеся черновые рукописи Рылеева свидетельствуют о том, что в первоначальных набросках его замысла произведения о мятежном украинском гетмане (наброски трагедии «Мазепа» и др.) была намечена сюжетная линия, отражающая любовь Мазепы и Матрены Кочубей – та самая, которая легла в основу пушкинской «Полтавы». При использовании этой линии и характеристика Рылеевым гетмана была соответствующей: «Угрюмый семидесятилетний старец. Человек властолюбивый и хитрый; великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага к родине» [4, с. 358–360; 539–540]¹.

Но Рылеев предпочел от нее отказаться: слишком уж «очерняющей» облик вольнолюбивого героя оказывалась эта любовь, странная для восприятия человека XIX ст. Пушкин, напротив, пишет о невозможности «обходить» нравственную проблему в историческом сочинении: «Объяснять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее» (XI, 160).

Эта «новеллистическая» линия в исторической теме увлекла не одного Пушкина. В декабре 1827 г. вышла в свет четвертая книжка «Невского альманаха», в которой была напечатана «историческая повесть» издателя этого альманаха Егора Аладьина «Кочубей», в которой была раскрыта та же история любви.

Пушкин недолюбливал ловкого «альманашника» Аладьина. Тот, например, издавая в начале 1825 г. первую книжку «Невского альманаха», объявил о намерении Пушкина в нем участвовать, не заручившись согласием поэта. Это вызвало недовольство Пушкина – и целую серию эпиграмм, альманаху посвященных. Интересующую нас четвертую книжку он, однако, не мог не прочитать: там, между прочим, были напечатаны его стихи «Возрождение» и «Нравоучительные четверостишия» и – в качестве «подписи к картинке» – сцена из «Бориса Годунова». А прочитал он эту, вполне бездарную, повесть как раз в тот момент, когда замысел его будущей «Полтавы» был уже, вероятно, вполне обдуман...

«Кочубей» Аладьина был типичным образчиком «массовой» литературы 1830-х гг. На основе исторического сюжета о любви юной дочери Кочубея к старому гетману бел-

¹ Об отзвуках «Войнаровского» в «Полтаве» см.: Сиповский В.В. Пушкин / В.В. Сиповский. – СПб.: Типография т-ва «Труд», 1907. – С. 526–538.

летрист сочинил этакую «душешипательную» романтическую историю, в которой присутствуют «благородный отец» и коварный обманщик. Героиня повести, историческая Матрёна (Мотря), для благозвучия переименовывается в Марию (кстати, Пушкин принял это переименование). Сначала гетман устраивает похищение Марии с помощью «езуита» Заленского (тот подкупает старуху-няню, которую потом топят в реке). Мазепа обманывает Марию; потом происходит история со справедливым доносом Кочубея, которому не поверил царь Петр.

Кочубей с Искрой, накануне казни, сидят, окованные, в хижине. Приходит Мария, одетая казаком. Происходит ее объяснение с отцом, который прощает ее и примиряется с ней. Она предлагает ему бежать – но Кочубей отказывается, не желая быть ослушником царского суда... Мария приходит к Мазепе (испуганному ее появлением) и, с кинжалом в руке, укоряет его за обман, за то, что он предал ее отца. «Всмотрись в мои глаза, некогда пылавшие к тебе порочною страстию, – они горят теперь ненавистью и мщением!..», – говорит она. Мазепа трепещет от страха – и клянется, что Кочубей будет жив, что он сам хотел «завтра, у ступеней эшафота броситься к ногам твоего отца, вымолить его согласие на брак наш» а затем «провозгласить свободу Малороссии, возложить на себя княжеский венец, короновать тебя, мою верную подругу...» и т. д. Мария верит обещаниям. Утром, согласно его желанию, «закрытая с головы до ног белым, покрывалом», она стоит перед эшафотом. Когда Кочубей опустил голову на плаху, «в это время сдернули покрывало с изумленной Марии, несчастная ахнула, громко вскрикнул народ, топор звякнул – и добродетельного не стало!». Тема Кочубея – центрального героя повести – кончена. Далее, после нескольких строк об измене Мазепы и о том, что Петр «оплакивал смерть несчастных и благотворил их семействам», говорится коротко в заключение: «Мария кончила жизнь в монастыре».

Самое интересное, что читатели связали пушкинскую «Полтаву» с этой бесpowerной повестью. Так, В.Д. Комовский, брат лицейского товарища Пушкина, заметил в письме к А.М. Языкову, что Пушкин «повесть Аладьина только в стихи переложил» [5, с. 529].

В самом деле: Пушкин поневоле оказался перед необходимостью «выбирать» между двумя литературными Мазепами: кто он – рыцарь свободы или жалкий трус? И он пробует представить нового, *многомерного* героя, в котором перемешаны самые разные и самые несхожие нравственные данности. Но непривычная публика и критика восприняла как литературно *не мотивированные* именно эти два «сплетенные» между собой его поступка: незаконное «соблазнение» старцем молодой красавицы и столь же «незаконная» измена делу России и царя Петра, которому Мазепа верой и правдой служил не одно десятилетие.

Мотивы «измены» Мазепы у Рылеева и Пушкина – похожи. И у того и у другого гетман ратует о *вольности*:

«Войнаровский»

*Но к тайне приступить пора:
Я чту Великого Петра;
Но – покоряясь судьбине,
Узнай: я враг ему отныне!..
Но я решился: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем;
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!*

«Полтава»

*Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра (V, 36).*

Но Пушкин не умалчивает о том историческом факте, о котором умолчал Рылеев – и в свете этого обстоятельства обе сходные конструкции несут на себе различный идеологический смысл. Рылеевский Мазепа – герой добродетели. Его призыв идти против царя Петра приближен к декабристским призывам выступить на «борьбу свободы с самовластьем». С другой стороны, «милая вольность и слава», «кровавая вольность» в устах пушкинского гетмана – это не декабристская «свобода», «слава и польза родины»; это – исторически точное понятие «вольности», каким оно сложилось в шляхетской Польше, воспитавшей Мазепу» [6, с. 118].

И в патриотических призывах Пушкин остается последовательно историчен: в его представлении Мазепа захотел сделать Украину «независимой державой» исключительно ради *личного честолюбия*. Он безусловно снимает «героизацию» мятежного гетмана, «мученика свободы». В его истолковании – эгоистическая, честолюбивая направленность рокового поступка Мазепы оказывается однозначной, и даже усиливается той «любовной» интригой, которую Рылеев сознательно «приглушил».

Что получилось в итоге? Поэма Рылеева «Войнаровский» имела *огромный успех* в публике. Пушкинская «Полтава», констатировал сам автор, «не имела успеха» (XI, 164). Более того: именно кисло-сладкое восприятие «Полтавы» критикой знаменовало «охлаждение» публики к Пушкину. Автор даже растерялся и – редчайший случай в его биографии – пробует «объясниться» с публикой в специальной заметке (XI, 164–165), где доказывает, что он исторически точен, что эта поэма – лучшее его произведение и т. д. Но это «возражение критикам» ничего не меняет: именно с «Полтавы» начинается молва, что Пушкин «исписался».

Тут в дело вступает его давний неприятель, Фаддей Булгарин. В своем разборе «Полтавы» он прямо обвиняет Пушкина в «легковесности» и антиисторичности [7, с. 136–137]. А чуть позднее он, модный в то время беллетрист, выступает со своим новым историческим романом «Мазепа». Его первый исторический роман – «Димитрий Самозванец» (1829–30) – вышел четырьмя годами раньше и был «напрямую» связан с неизданной еще пушкинской трагедией «Борис Годунов». Булгарин оценивал рукопись пушкинского сочинения (по заказу Третьего отделения), и именно к его отзыву восходил царский совет «переделать» его в «роман наподобие Вальтера Скотта». Пушкин от такой «переделки» отказался – Булгарин с удовольствием выполнил. Причем заимствовал некоторые сюжетные мотивы из пушкинского создания. Это заметил и сам Пушкин, и многие современники (знакомые с пушкинской трагедией).

В новом романе Булгарин с самого начала предупреждает, что не собирается «входить в соперничество» с Пушкиным: исключает «любовную» линию Мазепы и дочери Кочубея, а Петр Великий и Карл XII, как и положено в «вальтерскоттовском» романе, оказываются у него на периферии повествования. Если Пушкин в «Полтаве» воспел Петра, «вдохновенного» «самодержавного великана», то Булгарин ставит проблему иначе.

В основе его проблематики – местный украинский патриотизм. С одной стороны, казачи ненавидят поляков – с другой: и москалей тоже не любят: «Все благомыслящие, все умные малороссыяне желали пламенно, чтоб Малороссия и Украина были в подданстве России, но не было между ними ни одного, который бы желал, чтоб Малороссия и Украина слились воедино с Великороссиею». И далее: «Впоследствии уравнение Малороссии с Великороссиею делалось благодеянием для первой – но в то время это было бы бедою...» [2, с. 439].

С этой позиции и изображена в романе попытка Мазепы выступить против Петра. Обещая защищать интересы Украины, ее внутреннюю независимость и привилегии, Мазепа привлекает на свою сторону основного (вымышленного) героя романа – Огневика. Булгарин в данном случае буквально следует принципам Скотта. Главным двигателем сюжета оказывается не Мазепа, а Огневик. Мазепа только хитрит и интригует. Например, когда Огневик обнаруживает в ларце, который он должен доставить поверенному Мазепы, приказ немедленно арестовать подателя письма и доставить его царю для казни, то история сразу же приводит на ум читателю шекспировского «Гамлета». Вообще сюжетная линия романа изобилует нагромождением кошмарных и жестоких ситуаций – это явная традиция европейского готического романа, романа ужасов. Все эти ужасы связаны с Мазепой, персонажем отнюдь не добродетельным.

Огневик влюблен в воспитанницу Мазепы (потом выясняется, что она его дочь) Наталью. В самом конце романа обнаруживается, что и сам Огневик – сын Мазепы. Таким образом, отношения возлюбленных все время находятся на грани incesta. В конце романа Огневик убивает Мазепу, заставив его выпить яд. От умирающего старца он узнает, что тот его отец. Несчастный отцеубийца кончает жизнь самоубийством. Еще до этого его возлюбленная-сестра умирает от голода в запертой комнате за железными дверями, покинутая по роковому стечению обстоятельств собственным отцом и братом...

Всё это жутковатое действие организует фигура Мазепы: герой его Огневик просто реализует «интриги» старого гетмана – что отметили критики романа². «Не действующий» Мазепа становится основным «двигателем» тех жутковатых и безнравственных деяний, что происходят в Украине, старающейся освободиться от «подданства России». Старый гетман, спрятавшийся «за сценой» основного действия, «придумывает» и многоходовую интригу со шведским королём (в результате которой половина его войска переходит на сторону Карла XII), и «каверзу» с полковником Палеем – да и все остальные деяния. Тем самым Булгарин «оправдывает» официозную версию об историческом персонаже, удостоенном церковной анафемы. Лишенный понятия о «добродетели», булгаринский Мазепа становится умным и дальновидным вершителем *зла* – и тем существенно отличается и от Мазепы-«ничтожества» в повести Аладьина, и от Мазепы-«честолюбца» в поэме Пушкина.

Так на основании исторических фактов, почерпнутых из одного исторического источника, были в течение одного десятилетия созданы *четыре* разных литературных характера, по видимости несовместимых друг с другом, – и как будто выведивших разных исторических лиц. В данном случае каждый из авторов взял из труда Бантыша-Каменского разное. И не очень озаботился соотносительностью полученной фигуры с историческим персонажем.

Единственный, кто попробовал «объяснить *настоящий* характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица» был Пушкин. В его поэме этот «настоящий» характер оказался неоднозначным и «многомерным» – каким, в сущности, и предстает в разных ситуациях любой человек, вне зависимости от того, «исторический» ли это персонаж или простой человек... Такой подход к историческому лицу был оглушительной новостью в словесности его времени – и «Полтава» была удостоена известного «гонения».

Наверное, это участь любого первооткрывателя. Но дело даже не в этом. Так уж повелось, что литературное изображение какого-либо значительного исторического лица тяготеет к неперемнной «одномерности». Тем более, если дело касается значительного исторического персонажа, удостоенного если не памятников, то хотя бы, как в случае с Иваном Мазепой, изображения на ходовой купюре национальной валюты (в данном случае – в 10 гривень). Такого рода персонажи в обыденных представлениях либо однозначно героизированы (Александр Невский, Петр Великий, Георгий Жуков), либо однозначно снижены с обратным знаком (Лжедмитрий, Иосиф Сталин). Они, по определению, должны в литературных произведениях представлять в какой-то одной ипостаси.

А всякие литературные потуги на демонстрацию «многомерного героя» в этом случае просто обречены на непонимание.

Список использованных источников

1. Пушкин А.С. Полтава / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в XVI т. – М.: АН СССР, 1937–1949. – Т. V. – С. 15–68. Далее в тексте цитаты даются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.
2. Булгарин Ф.В. Мазепа / Ф.В. Булгарин // Сочинения. – М.: Современник, 1990. – С. 367–634.
3. Тарле Е.В. О лермонтовском времени / Е.В. Тарле // Литературный современник. – 1941. – № 7–8. – С. 140–141.
4. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений / К.Ф. Рылеев. – Л.: Academia, 1934. – 908 с.
5. Комовский В.Д. Письмо к А.М. Языкову / В.Д. Комовский // Исторический вестник. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. – Т. XIV. – С. 528–530.
6. Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина / Н.В. Измайлов. – Л.: Наука, 1975. – 340 с.
7. Булгарин Ф.В. Разбор поэмы «Полтава», соч. Александра Сергеевича Пушкина / Ф.В. Булгарин // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. – СПб.: Государственный Пушкинский Театральный Центр, 2001. – С. 132–141.

² См. рецензию Н.А. Полевого: Московский телеграф. – 1834. – Ч. LV. – № 4. – С. 647–658.

References

1. Pushkin, A.S. *Poltava* [Poltava]. *Polnoe sobranie sochinenij: v XVI t.* [The complete works: in XVI vol.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1937-1949, vol. V, pp. 15-68.
2. Bulgarin, F.V. *Mazepa* [Masepa]. *Sochinenija* [Works]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 367-634.
3. Tarle, E.V. *O Lermontovskom vremeni* [About Lermontov's Time]. *Literaturnyj sovremennik* [The Literary Contemporary], 1941, no. 7-8, pp. 140-141.
4. Ryleev, K.F. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [The complete poems]. Leningrad, Academia Publ., 1934, 908 p.
5. Komovskij, V.D. *Pis'mo k A.M. Jazykovu* [The letter to A.M. Yazykov]. *Istoricheskij vestnik* [The Historical Bulletin]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1883, vol. XIV, pp. 528-530.
6. Izmajlov, N.V. *Ocherki tvorcestva Pushkina* [Essays of Pushkin's work]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 340 p.
7. Bulgarin, F.V. *Razbor pojemy «Poltava», soch. Aleksandra Sergeevicha Pushkina* [The analysis of a poem "Poltava", Alexander Sergeevich Pushkin's compositions]. *Pushkin v prizhiznennoj kritike. 1828-1830* [Pushkin in the lifetime criticism. 1828-1830]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyj Pushkinskij Teatral'nyj Centr Publ., 2001, pp. 132-141.

У статті наведено чотири погляди на особистість І. Мазепи в художніх творах пушкінської доби: поемі К.Ф. Рилєєва «Войнаровський», історичній повісті Е.П. Аладьїна «Кочубей», поемі О.С. Пушкіна «Полтава», історичному романі Ф.В. Булгаріна «Мазепа». Ці твори розглядаються як різні аспекти художнього осмислення одного історичного джерела – праці Д.М. Бантиша-Каменського «Історія Малої Росії від приєднання її до Російської держави до відміни гетьманства, із загальним баченням, додатками матеріалів та портретів».

Ключові слова: Мазепа, історичний роман, історичний персонаж, романтична повість, поема.

In article four sights at I.Mazepa's person in art works of a Pushkin's epoch are presented: K.F. Ryleev's poem "Voynarovsky", E.P. Aladin's historical story "Kochubey", A.S. Pushkin's poem "Poltava", F.V. Bulgarin's historical novel "Mazepa". The given works are considered as different aspects of art judgement of one historical source – D.N. Bantysh-Kamensky's work "History of Small Russia from its accession to the Russian state up to a hetmanship cancelling, with the general introduction, the appendix of materials and portraits".

Key words: Mazepa, the historical novel, the historical character, the romantic story, a poem.

Одержано 7.11.2016.